

В.П. СТЕПАНЕНКО
Екатеринбург

**ВЛАДЕТЕЛИ ФЕОДОРО И ВИЗАНТИЙСКАЯ
АРИСТОКРАТИЯ XV В.***

Со времени появления работ Дж.Ф. Фальмерайера, Ф.К. Бруна, А.А. Васильева, А. Брайера¹ стало общим местом утверждение о том, что князья² Мангупа принадлежали к роду Гаврасов, в XI в. связанному с Трапезундом³. Однако попытка А.А. Васильева объяснить их появление в горах Тавриды бегством сюда Константина Гавры является не более, чем логической конструкцией, к тому же основанной не на фактах, но на гипотезах⁴. Со ссылкой на мнение Ф.К. Бруна он писал, что при Комнинах «в Византии мог находиться благородный греческий род с почти одинаково звучащим (с русскими Ховринными – *B.C.*) именем Гаврас. Михаил Гаврас был выдающимся полководцем Мануила Комнина. Поэтому не является невозможным, что один из представителей этой фамилии императором был поставлен в топархи Готии и

* Основные положения статьи были изложены автором в тезисах доклада международной научной конференции «Византия и Крым». Симферополь, 1997.

¹ BREYER A. Byzantine Family The Gabrades//University of Birmingham Historical Journal. 1970. 12. P. 165; BREYER A., FASSOULAKIS St., NICOL D.M. A Byzantine Family. The Gabrades. An Additional Notes//BS. 1975. T. 36. Fasc 1. P. 184.

² Термин «князь» используется здесь предельно условно, так как в хронике Панарета владетель Феодоро Алексей назван κύρ Αλεξίος εκ τῶν Φεωδορον δυγατηρ, что явно отражает его международный статус по крайней мере с точки зрения Великих Комнинов. – Μιχαὴλ του Παναρέτου περὶ τὸν Μεγάλον Κομνηνὸν. Εἰσαγογὴ-εκδοσὶς-σχολια Ὁδυσ.Λαμψιδοῦ. – Ποντικαὶ επειναι 2. Αθῆναι. 1958. Στ. 81. 24.

³ См. о них: Бартикан Р.М. О византийской аристократической семье Гаврасов//ИФЖ. 1987. №3. С. 191-200; № 4. С. 181-193.

⁴ См.: ВАСИЛЬЕВ А.А. Готы в Крыму//ИГАИМК. М., Л., 1927. Т. 7. С. 275-280. Речь идет и о легенде о происхождении рода Головиных от Комниных. Аргументация автора рассмотрена в: СТЕПАНЕНКО В.П. Легенда о Гаврах и Херсонес в русской и советской историографии//Историография Балканского средневековья. Тверь, 1990. С. 87-95.

что этот род в конце концов возвысился до положения почти независимой династии⁵. Гипотеза столь же бездоказательная, сколь и признание Михаила Гавры к числу выдающихся византийских полководцев. Известно, что именно его бегство от сельджуков при Амасии способствовало поражению Мануила при Мириокефале в 1176 г.

Принимая построения Ф.К. Бруна, А.А. Васильев пишет: «Брун выставляет по этому поводу свои соображения в виде шаткой гипотезы, которая, однако, имеет под собой более вероятия, чем комниновская традиция»⁶. Но так как источники не содержат информации о назначении Михаила Гавры топархом Готии, исследователь находит другого представителя рода Гаврасов, объявляя его основателем крымской ветви рода. Для этого А.А. Васильев идет на произвольное толкование сведений «Хроники» Михаила Сирийца, а именно одного из эпизодов малоазийских походов Иоанна II Комнина (1130), во время которого из лагеря императора бежал к противнику – эмиру Севастии Амиру Гази Гюмюш Тегину Данышменду – его брат севастократор Исаак. Эмир отправил его к Константину Гавре в Трапезунд. Затем Исаак появился в Киликии у Левона Рубенида, позже бежал к султану Рума Масуду, наконец, примирился с братом и вернулся в Константинополь⁷.

Из этой информации А.А. Васильев насильственно изъял фрагмент, сделав на его основе глобальные выводы. Сам он видел их шаткость, резонно отметив: «Я должен оговориться, что в данном случае придется вращаться главным образом в области более или менее вероятных предположений, так как какой либо прочной базы источники не дают»⁸.

Тем не менее, исследователь писал: «Так как Гавра, принявший восставшего брата императора и бывший в дружеских отношениях с политическим врагом империи турецким эмиром Гази, также был участником заговора, то есть, также очевидно подвергся репрессиям и изгнанию после того, как императору удалось справиться с Трапезундом.

Обычным же местом ссылки опасных преступников является, как известно, Крым, куда Константин Гавра и был изгнан. Подобное предположение (курсив наш – В.С.) может объяснить последующее развитие событий. Оказавшись в Крыму, Гавра перенес туда враждебное стремление его фамилии к борьбе с Византией. Когда в конце правления слабых и беспаланных Ангелов настал удобный момент, он передался Трапезунду, то есть, своему родному городу, за свободу ко-

⁵ ВАСИЛЬЕВ А.А. Ук. соч. С. 275.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche (1166–1199)*. Ed. et trad. par J.-M. Chabot. P., 1905. T. 3. P. 205.

⁸ ВАСИЛЬЕВ А.А. Ук. соч. С. 275.

торого боролись три представителя его фамилии»⁹.

Комментарии здесь излишни. Построения А.А. Васильева столь же безосновательны, как и выводы Ф.К. Бруна. Никаких сведений о происхождении князей Феодоро в настоящее время нет. Поэтому и утверждение об их принадлежности к роду Гаврасов пока не более, чем гипотеза, нуждающаяся в доказательствах. Между тем, ныне она признана как объективная реальность и из нее, например, исходил В.А. Сидоренко, пытавшийся интерпретировать изображения на стенах известной каменной купели из Алушты, объявленной той самой, в коей, якобы, крестили младенца Алексея, внука князя Феодоро и Помория Алексея Старшего¹⁰. При этом автора не смущило то, что ни малейших оснований для данной гипотезы нет¹¹. Ниже мы остановимся лишь на одном неясном моменте его построений – фамильной принадлежности князей Феодоро. Так, анализируя гербовые¹² изображения на стенах купели, автор пишет: «Изображение гербов... могут рассматриваться как родовые символы партнеров престижного брака». А наличие двуглавого орла, по мнению В.А. Сидоренко, свидетельствует «о символизации браков с одной из представительниц правящего дома Палеологов».

Возникает закономерный вопрос: почему именно представительниц, а не представителей? Создается впечатление, что в интерпретации материала исследователь исходил из заведомо априорных постулатов, связывая изготовление купели с фактом известного нам по эпитафии Иоанна Евгеника брака сына князя Феодоро и Помория Алексея Иоанна и Марии, которую В.А. Сидоренко называет Марией Палеолог¹³. Но тогда возникает закономерный вопрос – чей герб «сидящее на задних лапах животное» на противоположной стенке купели? Если следовать логике автора, то – князей Мангупа. Но вопрос оставлен без ответа и старательно обойден в дальнейшем. И это понятно. Так как, если бы автор поставил все точки над *i*, ему пришлось бы указать к какой фамилии принадлежали князья Феодоро, объявив данное «животное» их гербом, тогда как надписи Алексея с Мангупа и из Ка-

⁹ ВАСИЛЬЕВ А.А. Ук. соч. С. 280.

¹⁰ См.: СИДОРЕНКО В. А. Памятники каменной пластики средневековой Таврики/МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 157.

¹¹ См.: СПИРИДОНОВ Д. С. Заметки по истории эллинства в Крыму. I. Из семейной истории Мангупского дома. Эпитафия Номофилюкса Иоанна Евгеника над гробом княжича//ИТОИАиЭ. Симферополь, 1928. Вып. 2. С. 93.

¹² Термин «герб» здесь и далее используется с известной долей условности, так как гербами в западноевропейском понимании сего термина византийские аристократы не обладали.

¹³ СИДОРЕНКО В. А. Ук. соч. С. 157.

ламиты украшены как раз двуглавыми орлами Палеологов...

Что касается эпитафии Иоанна Евгеника сыну Иоанну и Марии Алексею, то нас интересует не столько то, что сказано о его отце и деде, так как общепризнанно, что, кроме общих эпитетов, ничего внятного об их происхождении бывший их современником автор не говорит, сколько его информация о родословной его матери Марии. В.А. Сидоренко не прав, объявляя ее Палеологиней. Иоанн Евгеник дает ее генеалогию до «дедов», сообщая, что по линии отца она происходит от Асанов и «пурпурноцветущего корня Палеологов», по матери – от Цамблаконов. То есть, она – Мария Асанина Палеологина Цамблаконина или Цамблаконина Палеологина Асанина, что тоже возможно, так как в ряде случаев фамилия матери предшествует фамилии отца¹⁴. Последней должна стоять фамилия мужа, но здесь она отсутствует.

Асаны-Асени действительно византийская ветвь царской фамилии Болгарии¹⁵, впрочем, сомнительная, так как происходит от Марии Асанины и ее супруга Мицо, к династии отношения не имеющего¹⁶. Сложнее с Цамблаконами. Они менее известны и находились на периферии клана Палеологов, почти не будучи связанными браками с пра-вящей династией¹⁷. По мнению Х. Байера, это связано с тем, что в гражданской войне 1341–1355 гг. они были сторонниками Иоанна VI и Матвея Кантакузина¹⁸. Известен лишь брак стратопедарха (1345–1366/7) Дмитрия Цамблакона (PLP № 27755) с дочерью наместника Серра (1372) Константина Палеолога Евдокией. Возможно, их потомком является известный в 1438 г. эпи ту каниклиу Алексей Палеолог Цамблакон (PLP № 27751). Наконец, некая Цамблаконина Кидонина была женой деспота Мореи Фомы Палеолога в 1459 г. (PLP. № 27758).

В связи с дебатами о происхождении князей Феодоро наше внимание привлекла известная надгробная пелена жены¹⁹ (1472) господаря

¹⁴ См.: PLP. № 1533 – как Мария Асанина Палеологина Цамблаконисса со ссылкой на Иоанна Евгеника.

¹⁵ См.: УСПЕНСКИЙ Ф.И. Болгарские Асеновичи на византийской службе//ИРАИК. 1908. Т. 13. С. 1-16; KREKIC B. Les Asanes a Byzance//TM. 1973. Т. 5. Р. 347-355; FASSULAKES S. The Byzantine family of Raul-Ral(l)es. Athens, 1973. Р. 73-75; TRAPP E. Beitrage zur Genealogie der Asanen in Byzanz//JÖB. 1976. Bd. 25. S. 163-177 и прим. 10; Божилов И. Фамилията на Асеневци (1186–1460). София, 1994.

¹⁶ См.: АНДРЕЕВ Й. Българските ханове и царе VII–XIV вв. София, 1998. С. 154-155.

¹⁷ О Цамблаконах см.: PLP. № 27741-27758.

¹⁸ Мы благодарим коллег В. Кирилко и Х. Байера за содействие в написании работы, ряд положений которой обсуждался при их активным участии.

¹⁹ Существование этого брака отнюдь не очевидно. Так, С. Горовей предполагает, что если женой Стефана III была Мария Мангупская, умершая 19 декабря 1477 г., то женой его сына Александра в 1489 г. стала Мария Асанина

Молдавии Стефана Великого Марии, дочери князя Феодоро, из монастыря Путна²⁰. Княгиня изображена во весь рост в парадном одеянии. По периметру надпись на церковнославянском языке: «Это покров гроба благочестивой и христолюбивой госпожи Стефана воеводы и господаря земли Молдавской Марии. Преставилась к Богу в год 1477 месяца декабря 19».

Но интересны не портрет и не надпись, но изображения и монограммы в углах пелены. Х. Бухталь обратил внимание на то, что в одном случае это двуглавый орел и монограмма Палеологов, в другом – орел Палеологов, но монограмма Асанов²¹. И хотя его предположение о том, что сохранившие свои переплеты с монограммами Палеологов книги из императорской библиотеки в Константинополе после 1453 г. могли оказаться на Мангупе, а затем на Западе, довольно сомнительны, наблюдения исследователя о монограммах предельно интересны. Мария, дочь или внучка сына Алексея Старшего Иоанна²², фигурирует здесь как Асанина Палеологина, тогда как ее собственная фамилия, если она принадлежала в роду Гаврасов, на пелене отсутствует. Случайно ли это?

Судя по собранной А. Брайером просопографии Гаврасов периода правления Великих Комнинов, род занимал не слишком видное положение в Трапезунде²³. Хотя и в этом случае была бы закономерна

Палеологина (S. GOROVEI. Musatunii. Bucaresti, 1976. Генеалогическая таблица – указано В. Кирилко). Даже если Мария 1-я – только Палеологина и мангупская княжна, то следует либо признать ее Палеологиней со стороны Марии Асанины Палеологины Цамблаконины или же предположить наличие еще одного брака кого-то из князей Феодоро с представительницей рода Палеологов, что, на наш взгляд, маловероятно. В то же время невозможно объяснить появление в Молдавии Марии 2-й – Асанины Палеологины иначе, чем из Крыма, учитывая родство с Асанами именно князей Феодоро по браку ок. 1425 г. Возможно, она и могла принадлежать к числу родственников Марии 1-й, находившихся при дворе Стефана III. Но, видимо, предположение румынских исследователей о существовании Марии Мангупской и Марии Асанины Палеологины лишено оснований. Это – одно лицо = жена Стефана III, погребенная в Путне.

²⁰ См. илл. в статье Г. Бухталя (BUCHTAL H. A Greek New Testament Manuscript in the Escorial Library//Byzanz und der Westen. Wien, 1984. P. 96-98. ill. 18.

²¹ Ibid. P. 97.

²² Генеалогия князей Мангупа настолько фрагментарна, что все сделанные на основе имеющегося материала заключения свидетельствуют скорее о смелости исследователей, нежели о наличии в их распоряжении реальных фактов. См., например, Мыц В. Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма//Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 189-192; Божилов И. Фамилия на Асеневцы. С. 415-417.

²³ А. Брайер (BREYER A. The Gabrades. P. 181-182) учел здесь всего двух пред-

апелляция к славному прошлому рода, к которому принадлежал и св. Феодор Гавра. Тем не менее никаких сведений о принадлежности к Гаврасам владетелей Феодоро нет. Приведем генеалогию Асеней-Асанов (табл. I).

К сожалению, эта генеалогия слишком неполна. Но очевидны родовые связи Асанов с Палеологами, Торниками, Кантакузинами, Синадинами и Раулями (см. ниже), Вриенниями, Филантропенами. Создается впечатление, что к нач. XV в. вся византийская аристократия была связана родством по многим линиям, что неудивительно, учитывая незначительные размеры империи и немногочисленность клана Палеологов²⁴.

Насколько трепетно и внимательно относились «византийцы эпохи упадка» к своему происхождению, свидетельствует множество источников²⁵, в том числе и такой уникальный, как Типик монастыря τῆς Θεοτόκου τῆς βεβαίας ἐλλάδος в Константинополе с его портретной галереей двух поколений потомков племянницы Михаила VIII Палеолога Феодоры Комнины Палеологины и ее мужа великого стратопедарха Иоанна Комнина Синадина²⁶ (см. табл. II).

Мы видим, что если глава семейства в XIV в. – Комнин Дука Ангел Синадин, то его сыновья включают в свой патроним и фамилию матери – Комнин Дука Палеолог Синадин (Ангел исчезает), а его внучки соответственно – Анна Комнина Дукаина Палеологина (Синадина выпала) в первом случае, Анна Кантакузина (по матери) Комнина Палеологина – во втором. Но каждая из них присоединила к перечню своих фамилий и фамилию мужа. Так Анна 1-я стала Комниной Дукаиной Палеологиной Асаниной. Но Анна 2-я – из четырех фамилий мужа (Комнин Ласкарис Вриенний Филантропен) предпочла третью и четвертую, став Вриеннией Филантропеной. Ирина стала Комниной (по отцу) Кантакузиной (по матери), Палеологиной (по родителям) и Асаниной (по мужу). Из родословной по линии отца вы-

ставителей рода (№ 15-16), более известного в Константинополе (№ 17-33), где его представители занимали столь же скромное положение при Палеологах. В Никее известен только пансеваст севаст Иоанникий Гавра – DËLGER F. Regesten der Kaiserurkunde des Ostromischen Reiches von 565-1453. München, 1977. Bd. 3. № 1696.

²⁴ О знати Никейской империи, предшественницы империи Палеологов, см.: ЖАВОРОНКОВ П. И. Положение и роль этнических групп в социально-политической структуре Никейской империи//ВВ. 1995. Т. 56 (81). С. 140-143.

²⁵ Например, на окладе иконы Богоматери Одигитрии кон. 13 – нач. 14 вв. изображены заказчики, чьи имена вычеканены над их головами – Константин Акрополит и его жена Мария Комнина Торникена Акрополитиса. См.: Искусство Византии в музеях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Т. 3. С. 159 № 1010.

²⁶ HÜTTER I. Die Geschichte des Lincoln College Typicons//JÖB. 1995. Bd. 45. S. 77-114.

пали Дукаина и Синадина. И в то же время потомки Синадинов по женской линии считали необходимым указать на это, если род отца был менее знатным²⁷.

Создается впечатление, что строгости во включении знатных предков в фамилии их наследников не было. Возможно, это связано с более ранней традицией, идущей от Комнинов XII в. Так, сын Константина Ангела и дочери Алексея I Феодоры Комниной Иоанн Дука, взял фамилию бабушки Ирины Дукаины²⁸. Дочь Марии Комниной и Михаила Таронита – Анна Комнина Таронитисса (20), тогда как ее брат Иоанн – Таронит (21). Дети от браков представительниц правящей династии также предпочитали подчеркнуть свою связь с нею, как, например, Иоанн, Алексей и Андроник, сыновья дочери Иоанна II Анны Комниной и Стефана Кондостефана²⁹. В тоже время дочь Алексея Комнина и Ирины Дукаины – Анна Комнина Дукаина (61), дочь Феодора Докеана и Софии Комниной (29) Ирина Докеана Комнина, но ее брат Исаак только Докеан (60). Сын Иоанна Комнина и неизвестной Мелиссены – Никифор Комнин Мелиссен (63), тогда как сын Никифора Вотаниата и Евдокии Комниной – Исаак Комнин(62).

Еще показательнее фамильная принадлежность потомков Анны Комниной и Никифора Вриенния. Так их старший сын – Алексей Комнин (65), второй сын – Иоанн Дука (66), но сын Иоанна Алексей уже Комнин. Дочь Анны и Никифора – Ирина Дука (67), но вторая дочь – Мария уже Вриеннина Комнина (68). Наконец, сын Никифора Катакалона Евфорвина и Марии Комниной Алексей Комнин (69), но его сестры – Ирина Дукаина (Комнина Евфорвина) и Анна Комнина (71-72). Третий сын Константина Дуки и Феодоры Комниной Андроник Ангел Дука, но не Комнин (93), его сестра Евдокия Ангелина Дукаина (94).

Лица, не входившие в состав византийской элиты, но связанные с ней родственными узами, считали нужным отметить это даже, если родство это прослеживалось лишь по женской линии. Так, краль Сербии Родослав Неманич (1228–1234), сын Стефана Первовенчанного и Анны Ангелины, дочери Алексея III Ангела, и зять правителя Фессалоники Феодора Комнина Дуки, в надписях своих монет и сва-

²⁷ См. печать севаста Михаила (?), Синадина по матери, из Херсонеса – ШАНДРОВСКАЯ В.С. Печати представителей рода Синадинов в Эрмитаже//ВВ. 1990. Т. 51. С. 181-182.

²⁸ См.: ΒΑΡΖΟΣ Κ. Η Γενεαλογία των Κομνηνών. Τόμος Α. Φεσταλονίρη, 1984. № 90. Στ. 641. Далее номера после имен в тексте даются по Варзосу.

²⁹ См.: ШАНДРОВСКАЯ В.С. Печать Иоанна Кондостефана//МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 263-267; она же. Родственные связи по данным византийской сфрагистики//Византийское государство в VI–XV вв. Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской сессии византинистов. Барнаул, 1998. С. 95-97.

дебного перстня предпочел назвать себя Дукой³⁰.

Таким образом, можно еще раз констатировать, что к нач. XV в. византийская аристократия породнилась в нескольких поколениях, являя собой по сути единий клан. И процесс этот начался еще в XII в. при Комнинах. При этом строгости в использовании фамилий родителей и дедов не было. Создается впечатление, что из множества фамилий потомки временами произвольно избирали те, кои, на их взгляд, принадлежали наиболее знатным из числа предков. Поэтому не удивляет наличие на пелене из Путны монограмм лишь Палеологов и Асанов (?), с которыми были связаны родством князья Феодоро. Принадлежность к Цамблаконам, по видимому, была предана забвению, так как родство с ними было не столь престижным.

Но если Мария пелены – племянница Исаака, то есть, внучка или правнучка Алексея Старшего, то Асаниной Палеологиной она могла быть только по линии отца³¹. Тогда находят некоторое объяснение и орлы Палеологов на плитах с надписями Алексея 1425 и 1427 гг. и плите из Фуны 1459 г.

В этой связи можно в виде предельно шаткой гипотезы высказать предположение о том, что «зверь» на купели из Алушты принадлежит Асанам. По крайней мере он похож на изображенного на личном перстне-печати Калояна (1197–1207)³². Как следствие, нет оснований приурочивать изготовление купели к конкретному событию и датировать ее нужно широко – 20–70 гг. XV в.³³

³⁰ См.: Баришич Ф. Веридвени пърстен кралевича Стефана Дуке Родослава Неманьича/ЗРВИ. 1978. Т. 18. С. 257–268; Гурулева В.В. Византийские традиции в монетной чеканке Сербии в 1-й пол. XIII в.///Византия и византийские традиции. СПб., 1996. С. 62–75. Перстень был сделан в Фессалонике в связи с браком королевича с Анной, дочерью Феодора I Ангела Комнина Дуки. Греческая надпись «Кольцо Стефана, потомка рода Дук, прими в руки Анна из рода Комнинов». Отметим, что сам Алексей III в надписях своих моливдовулов называет себя то Ангел, то Дука. – См.: ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. V. 1. Part. 1. Basel, 1972. № 109–110.

³¹ В таком случае Исаак – сын Алексея, но не Асан Палеолог, а Марии принадлежит надпись Марии Асаниной Палеологине, госпожи Молдавии, в кафоликоне монастыря Григориу на Афоне, на которую ссылается И. Божилов (Фамилията на Асеневци. С. 416).

³² См.: Божилов И. Фамилията на Асеневци. С. 56–57; История на България. Т. 3. Втора Българска държава. София, 1982. С. 141. В то же время следует отметить, что в последнее время проявилась тенденция не связывать перстень с царем Болгарии. Похожий зверь, называемый издателями львом, фигурирует и на биллоновой монете II типа Ивана Шишмана (1371–1395), потомка Асеней по женской линии. – Юрукова И., Пенчев В. Български средневековни печати и монети. София, 1990. С. 173.

³³ М.Г. Крамаровский допускает более раннюю дату создания купели, ибо нет

Принадлежал ли к Гаврам князь Феодоро Алексей? Судя по риторике Иоанна Евгеника – нет. По крайней мере, Иоанн ничего об этом не сообщает, подчеркивая родовитость невесты и умалчивая о происхождении жениха, сына Алексея Иоанна. Сам князь для него – «несокрушимый столп Газарии, яркий светоч всех подданных, в боях – воитель неустрешимый, одним своим видом обращающий в бегство врагов. Он еще при жизни есть солнце, обходящее небо, обливающее своими лучами всю землю Готфии», а сам Иоанн – «благородное имя, быстро достигший высшей славы, совершенный образец православия, справедливый, острый умом, деятельный, щедрый, приятный, любезный, кроткий, доступный, обходительный, общий доброжелатель, гармоничное воплощение всех достоинств». Всё это на фоне четкой и краткой информации о происхождении невесты.

В свое время Н.В. Малицкий сделал чрезвычайно важное наблюдение. В XV в., «когда история и Константинополя и Трапезунда близилась к концу, традиционной стала апелляция как к славному прошлому, так и к славным предкам. При оценке личности Алексея в связи с разбираемыми надписями (1425 и 1427 гг. – В.С.) нужно еще иметь в виду характерное для византийских династов этого времени повышенное стремление к прославлению и возвеличению своего рода, утверждению своих династических прав, пользующееся средствами геральдики и пускающее в ход различные эмблемы власти. Вот какого рода настроениям, царившим среди византийского императорского дома, оказался далеко не чужд владетель Феодоро вместе со своей фамилией»³⁴.

Действительно, происхождение князей, появившихся в Феодоро лишь в кон. XIV – нач. XV в., неизвестно³⁵. Но сын первого известно-

аналогий, позволяющих точно датировать памятник, как нет полной уверенности в его крымском происхождении. Благодарим коллегу за консультацию.

³⁴ Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа//ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 20-21. Автору не могли быть известны позже найденная надпись с монограммами из Фуны и монограммы на донцах чаши с Мангупа и из Фуны, ярко иллюстрирующие его тезис (Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна//Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 105. Рис. 5; он же. Несколько заметок... С. 185. Рис. 3).

³⁵ До этого здесь правила некие гекатонтархи и турмархи, о чем свидетельствуют надписи Хуйтани и Цоцикия. См. Малицкий Н.В. Ук. соч. С. 5-10; ГЕРЦЕН А.Г., МАХНЕВА О.А. Пещерные города Крыма. Симферополь, 1989. С. 80; Мыц В.Л. Несколько заметок... С. 179-183. Монах Матвей, посетивший Феодоро ок. 1395 г. и описавший свое путешествие в поэме, застал город опустевшим после семилетней осады. См.: БАЙЕР Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов//АДСВ. Вып. 27: Византия и средневековый Крым.

го нам владетеля Феодоро и Помория Алексея Иоанн³⁶ вступил в брак с Марией Асаниной Палеологиной Цамблакониной ок. 1425 г. в Трапезунде, как полагает Д.С. Спиридовон. В.А. Сидоренко предпочитает Феодоро, что маловероятно, но трапезундское посредничество в этом браке несомненно, так как невеста явно принадлежала к кругу константинопольской, но не трапезундской аристократии.

Династические браки представителей Палеологовского клана с Великими Комнинами Трапезунда делают это предположение не только вероятным, но и единственным возможным, учитываяrudименты трапезундского, но не константинопольского влияния на полуострове.

Рассмотрим браки Великих Комнинов с кон. XIII в. (табл. III). Очевидно, что Асаны были связаны с Великими Комнинами опосредовано через браки дочерей Михаила VIII Палеолога Марии и Евдокии. В более поздний период через брак Феодоры Кантакузины I (PLP № 12068). Эти контакты были достаточно тесными, когда в 1395 г. Мануил III (1390–1416) и его наследник Алексей IV (1416–1429) женились соответственно на Анне Филантропене (PLP № 29736). Феодоре Кантакузине II (PLP № 12069)³⁷. Более того, Иоанн Евгеник называет невесту сына князя Феодоро Иоанна Марию «сродницей» императрицы³⁸. Если речь идет об императрице Трапезунда, то между 1395–1416 гг. ею была Анна Филантропена, между 1416–1429 гг. – Феодора Кантакузина II. Обе они были привезены из Константинофия в качестве невест императора и его наследника в 1395 г. Евдокией Великой Комниной, второй женой Иоанна V Палеолога³⁹. Если это византийская императрица, то ей могла быть Мария Комнина, дочь Алексея IV и Анны Филантропены и жена Иоанна VIII Палеолога, умершая 17 декабря 1439 г.

Время заключения мангупского брака неизвестно. Он датируется исследователями 20–40-ми гг. XV в., К тому же возникает вопрос и о синхронности трапезундских браков княжича Иоанна с Марией Асаниной и Давида Великого Комнина с сестрой Иоанна Mariей. Первый брак датируется ок. 1427 г.⁴⁰, 1440–1447 гг.⁴¹ и 1447 г.⁴² Последний

1995. С. 75. О строительстве крепости в XIV в. см.: ГЕРЦЕН А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа//МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 138.

³⁶ Все последующие исследователи исходили из мнения А.А. Васильева, датировавшего правление Иоанна в Феодоро 1444–1446 гг., ничем не обоснованного. Ныне же ясно, что он скончался в Трапезунде до 1439 г. (см. ниже)

³⁷ Μιχαὴλ τοῦ Παναρετοῦ. Στ. 81.9–15.

³⁸ «ἡ τῆς αὐγᾶς βασιλισσῆ συναιμῶν».

³⁹ КАРПОВ С.П. Трапезунд и Константинополь в XIV в.//ВВ. 1974. Т. 37. С. 92.

⁴⁰ МАЛИЦКИЙ Н.В. Ук. соч. С. 30–31.

⁴¹ СПИРИДОНОВ Д.С. Ук. соч. С. 98–99.

⁴² ВАСИЛЬЕВ А. А. Ук. соч. С. 282.

брак – ноябрем 1426 г.⁴³ или же после 1429 г. (PLP № 12097).

Различные датировки мангупского брака связаны с отсутствием его даты в хронике Панарета, где сообщению о браке предшествует лакуна в тексте⁴⁴, так и неопределенностью времени пребывания в Трапезунде Иоанна Евгеника (PLP № 6189). По мнению авторов PLP (Х.-Ф. Байер), это имело место после Ферраро-Флорентийского собора (1439 г.)⁴⁵. Но есть все основания предположить, что в Трапезунде Евгеник появлялся и ранее, например, в составе посольства Виссариона Никейского, отправившегося туда за невестой Иоанна VIII Палеолога Марией Великой Комниной, привезенной в Константинополь в августе 1427 г.

Тогда мангупский брак или хотя бы начало переговоров о нем предшествует этой дате, что подтверждает как смерть рожденного в нем княжича Алексея к моменту прибытия Евгеника в Трапезунд, так и появление двуглавого орла на плитах с надписями его деда, князя Феодоро и Помория Алексея Старшего как раз в 1425 г. (дворец на Мангупе) и 1427 г. (октогон ?). Дата его корректирует с датой брака Давида Великого Комнина и Марии Мангупской – скорее всего 1424–1425 гг. В пользу этого свидетельствует и текст изданной Сп. Ламприсом монодии Иоанна Евгеника на смерть Иоанна Мангупского, авторство которой было установлено А. Сидерасом⁴⁶, а также пребывание Алексея в Трапезунде во время экспедиции Ломеллино против Каламиты летом 1434 г⁴⁷. Сам текст мало что дает для датировки монодии, но ее место в переписанной самим Евгеником рукописи Cod. Paris. 2075, как и монодии на смерть императрицы Марии Великой Комнины Кантакузины Палеологини († 17.12.1439) до (!) записей, датированных 11 и 22 мая 1439 г. свидетельствует о том, что и смерть князя можно датировать до 1439 г., хотя к тексту колофона следует еще раз обратиться специалистам.

По мнению Х.-Ф. Байера, князь скончался 25 июня 1435 г., если принять предложенное исследователем отождествление его с Иоанном Тсиарасом, т.е. Черкесом, смерть которого отмечена в синаксаре мо-

⁴³ TOUMANOFF C. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucaside Chretienne (Armenie-Georgie-Albanie). Roma, 1976. № 113. P. 508., считая ее дочерью Алексея Старшего.

⁴⁴ Μιχαὴλ του Παναρέτου., Στ. 81. 23–26. Указан только месяц – ноябрь.

⁴⁵ См. также: ФОНКИЧ Б.Л. Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константиноналя»//Византия между Востоком и Западом. М., 1999. С. 275–277.

⁴⁶ SIDERAS A. Zum Verfasser und Adressaten einer anonymen Monodie//Byz., 1984. LIV. I. S. 300–324.

⁴⁷ Об этом свидетельствуют современники. См.: Agosto A. Due lettere inedite suglieventi del Cembalo e di Sochati in Crimea nel 1434//Atti della societa Ligure di storia Patria. T.XVII. Fasc.2. Genova, 1977. P. 515–516.

настыря Георгия Перистериона близ Трапезунда, наряду со смертями монахов и светских лиц, принадлежавших к трапезундской элите⁴⁸. Умер он, судя по тексту монодии, «как некое, затмившееся на вершине полудня, солнце», т.е. в середине жизни, до 30 лет, годом ранее утратив близких (Алексея?). Так как Евгеник «видел его с детства» и написал утраченную монодию на гибель Алексея IV Великого Комнина († до 28.12. 1429), то автор явно был в Трапезунде в кон. 20-х – нач. 30-х гг., где, возможно, при дворе воспитывался и вступил в брак Иоанн Мангупский. Это косвенно также подтверждает предполагаемую дату браков – до 1429 г.

В этой связи можно предположить, что Мария Асанина Палеологина Цамблаконина могла быть «сродницей» как Феодоры Кантакузины II, так и ее дочери Марии. К сожалению, происхождение первой неизвестно. Ее отцом был некий протостратор. Считать Марию родственницей жены преемника Алексея IV, его сына Иоанна IV, нельзя, так как он был женат дважды: на дочери Александра I Грузинского, затем на сестре Узун Хасана Ак Коюнлу. Как кажется, это косвенно также подтверждает дату брака Иоанна Мангупского – до переворота 1429 г., приведшего Иоанна IV к власти, так как после него Феодора была уже не правящей, но вдовствующей императрицей⁴⁹.

Так как Мария – Асанина Палеологина Цамблаконина, то она могла быть родственницей Кантакузины по линии как Асанов (см. табл. I), так и Палеологов. Уже это делало брак с ней предельно престижным для владельца Феодоро, как и брак дочери Алексея Старшего Марии и Давида, младшего сына Алексея IV Великого Комнина.

Нельзя ли предположить в этой связи, что орел Палеологов надписей Алексея Старшего появился после столь исключительного брака сына князя? И не только потому, что он косвенно приобщился к династии: его рано умерший внук имел полное право называть себя Асаном Палеологом. Фамилия же отца и деда в силу сомнительности их происхождения⁵⁰ могла быть и отброшена, как, впрочем, и фамилия Цамблаконов, в пользу чего свидетельствуют «гербы» и монограммы пелены из Путны и надпись кафоликона Григориата.

⁴⁸ БАЙЕР Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация поэмы Матфея «На город Феодоро». Екатеринбург, 2001. С. 214, 287-293.

⁴⁹ См.: PLP № 12108; TOUMANOFF C. Op. cit., № 113. P. 507-508.

⁵⁰ Не отвергая традиционной гипотезы о принадлежности владельцев Феодоро к роду Гаврасов, А.Г. Герцен пишет о том, что они могли быть потомками и местной знати. – ГЕРЦЕН А.Г., МАХНЕВА О.А. Пещерные города Крыма. С. 80. По мнению Х.-Ф. Байера (Ук. соч. С. 392), династия была черкесского происхождения, так как анонимная немецкоязычная хроника, созданная в Румынии, называет жену Стефана Великого Марию Мангупскую черкешенкой.

Был ли этот сын единственным, т.е. продолжилась ли эта линия мангупского княжеского дома? И мог ли сам Алексей Старший присвоить орла Палеологов вследствие брака его сына? В пользу первого свидетельствует существование Марии Асанины Палеологины в Молдавии, в пользу второго – присвоение орла Иваном III после брака с Софьей Палеолог.

Судя по памятникам константинопольского происхождения, орла Палеологов присваивал себе довольно широкий круг представителей их клана⁵¹, даже не являвшихся собственно членами династии.

По мнению Н. Овчарова, двуглавый орел стал символом приобщения к власти не только в Византии, но и странах ее культурного круга, как, например, в Сербии и Болгарии, и имел косвенное отношение к собственно Палеологам⁵². На это обратил внимание еще Н.П.

⁵¹ Орлами украшено и одеяние второго сына Мануила П Феодора, будущего деспота Мицты, на миниатюре сочинений Дионисия Ареопагита 1403/5 гг. (Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques francaises. № 358. Р. 463), в миниатюре рукописи Евангелия, принадлежавшего последнему деспоту Мореи Дмитрию Палеологу (Лихачева В.Д. Византийская миниатюра. М., 1977. С. 58); здесь на груди орла монограмма ПАЛ. О надписях: Малицкий Н.В. Ук. соч. С. 20-21. В самой Византии орлы Палеологов вытканы на ткани одеяния Иоанна Синадина, супруга племянницы Михаила VIII Палеолога Феодоры Комнины Палеологины на миниатюре Типика Линкольн Колледжа (HUTTER I. Op. cit. Ill. 1), на ткани одеяния великого примикирия Иоанна, по линии жены родственника Иоанна VI Кантакузина и Иоанна V Палеолога, на иконе Пантократора (1363) из монастыря Пантократора на Афоне (Византия, Балканы, Русь. Иконы XIII-XV вв. М., 1991. № 35. С. 222). Его происхождение неизвестно, но он был женат на Анне Асанине Кондостефанине, двоюродной сестре жены Иоанна VI Кантакузина Ирины Асанины и двоюродной же тетке их дочери и жены Иоанна V Палеолога Елены Кантакузины. Все изображенные не Палеологи, но причастны к правящей династии. В то же время орлами украшено и одеяние супруги императора Трапезунда Алексея III Великого Комнина Феодоры Кантакузины I, двоюродной племянницы Иоанна VII, изображенной вместе с мужем на миниатюре хрисовула императора монастырю Дионисиат 1374 г. (Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques francaises. Р. 159). Показательно и появление двуглавого орла на монетах самого Алексея III, возможно, после его брака с Феодорой. См.: Соколова И.В. Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа//НЭ. Т. XIV. 1984. С.75. № 7.

⁵² Овчаров Н. Изобразяването на двухглав орел като символ на владелско достоинство през XIV в.//Археология. 1994. 3. С. 19-24. См. также: Билярски И. Институциите на средновековна България. Второ бъгарско царство (XII–XIV век). София, 1998. С. 35-36. Вне Византии орлы вытканы на ткани одеяния зятя царя Болгарии Ивана Александра деспота Константина и на подножии самого царя на миниатюре Лондонского Евангелия (1356) (Живкова Л. Четвероевангелие царя Ивана Александра. София, 1989. Табл.1), на одеянии жены деспота Оливера Анны Мары на фресках ц. Архангела Михаила

Кондаков применительно к получившему титул деспота Андрею II Музаки, не имевшему прямого отношения Византии⁵³. Не имел прямого отношения к ней и деспот Янины Эсау дей Буандольменте Аччайуоли (ок. 1385–1411), включивший орла в свой герб⁵⁴. Косвенное родство с Палеологами и Великими Комнинами, приобщение князя Феодоро посредством брака его сына к умирающей византийской ойкумене имели следствием повышение его статуса в пределах Причерноморья. Это объяснило бы и появление орла на плитах с надписями Алексея 1425 и 1427 гг. Но тогда брак явно предшествовал первой дате.

Так как при подобных браках, как мы видели, дети предпочитали фамилии более родовитой матери, то остается предположить, что не потомки умершего в Трапезунде Иоанна наследовали Алексею Старшему в Феодоро, хотя их присутствие здесь очевидно⁵⁵. Возможно, с приходом к власти в княжестве Улубея, позже Исаака, потомки Иоанна переместились в Фуну, где найдена плита 1459 г. с надписью, монограммами и двуглавым орлом⁵⁶ и с полным правом носили фамилии Асанов Палеологов. В результате становится понятным последующий брак Марии Асанины Палеологины с господарем Молдавии (1472) и переговоры о браке дочери князя Феодоро Исаака с наследником ве-

конастыря Лесново (1347), кесаря Новака на фреске ц. Мали Града на о. Преспа (1368/69), деспота Стефана Лазаревича на фреске ц. Св. Троицы в Ресаве (до 1417) (Мандич Св. Портрети на фрескама. Београд, 1970. №№ 20-21, 32-33. В. Бурич. Византийске фреску у Југославии. Београд, 1975. Илл. 63, 82, 113). Известны они и в архитектуре и прикладном искусстве, в частности, на капители с Царевца в Тырново (MILJATEV K. Die Mittelalterliche Baukunst in Bulgarien. Sofia, 1974. S. 132. Abb. 152), на серебряной чаше XIV в. из Чурковна в Софии (История на България. Т. 3: Втора Българска Държава. София, 1982. С. 199), в нумизматике Ивана Алесандра (Дочев К. Монети и парично обръжение в Търново XII–XIV в. Търново, 1992. С. 237. № 3. См. также: Дончева-Петкова Л. Митологични изображения от Българското средневековие. София, 1996. С. 96-107).

⁵³ Кондаков Н. Очерки и заметки по истории средневекового искусства. Прага, 1929. С. 119.

⁵⁴ Он был женат первым браком на Марии Ангелине Комнине Дукаине, дочери Стефана Уроша (брата Стефана Душана) и Фомаиды Орсини Ангелины Палеологины, в свою очередь бывшей дочерью Иоанна Орсини и Анны, дочери Михаила IX Палеолога. Ко времени создания пелены он был в третьем браке с Евдокией Балшич, чьи герб и монограмма также находятся на пелене. – См.: ГЕРАСИМОВА-ТОМОВА В. Плащеницата на деспота на Янине ΙΣΑΟΥΣ//Сборник в чест на академик Димитр Ангелов. София, 1994. С. 292-300.

⁵⁵ Отсюда выдали замуж в Молдавию Марию и явно отсюда уехал с ней брат Александр, вернувшийся и захвативший власть в Феодоро накануне его захвата турками.

⁵⁶ См.: Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. Вклейка между с. 48-49.

ликого князя Московского Ивана III уже после заключения брака самого Ивана с Софьей Палеолог (1472), но накануне захвата Феодоро турками (1475)⁵⁷.

Вряд ли эти браки можно объяснить политическими и военными дивидендами, кои могли получить Молдавия и Русь от союза с Феодоро. Ни политическим влиянием, ни военной мощью в пределах Причерноморья оно никогда не обладало, но количество православных невест знатного происхождения после падения Константинополя (1453) и Трапезунда (1461) изрядно сократилось.

И наконец, последнее. Если брак Иоанна с Марией Асаниной Палеологиной Цамблакониной был синхронен с браком его сестры Марии с Давидом Великим Комниным и может быть датирован до 1425 г., то местом заключения их мог быть только Трапезунд. Причины этих браков следует, на наш взгляд, искать в той внутриполитической обстановке, которая сложилась в империи в период правления Алексея IV, власть которого оспаривал его старший сын и наследник Иоанн, некоторое время находившийся в Кафе.

В качестве предельно шаткой гипотезы можно предположить, учитывая напряженные отношения князя Феодоро и Помория с властями Готии⁵⁸, что оба трапезундских брака были призваны обеспечить империи союз с князем Феодоро именно в связи с необходимостью нейтрализовать с его помощью возможную поддержку Иоанна со стороны Кафы. Несколько действенным был этот союз сказать трудно. По видимому, он не принес ожидаемых результатов. В 1429 г. Иоанн совершил переворот и после убийства отца стал императором⁵⁹. В то же время эти браки вводили князя Феодоро в круг легитимных владельцев региона, чей статус отныне был признан по крайней мере Трапезундом.

Подведем итоги. Происхождение Алексея Старшего и его потомков, правивших в Феодоро до 1475 г., остается неизвестным. Создается

⁵⁷ См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до нач. 18 в. СПб., 1887. С. 255. Проект второго брака объясним династическими связями Москвы и Молдавии в этот период. Позже в Москве подвизался один из родственников Исаака Константина, хотя и удивляет его появление здесь в свите Софии Палеолог.

⁵⁸ Обострение этих отношений к 1425 г. могло быть связано с временным захватом князем Помория и последующей постройкой Каламиты (1427). Материал о ситуации в Крыму суммирован в: КИРИЛКО В.П., МЫЦ В. Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро//Византийская Таврика. С. 165-170. Ср.: МЫЦ В.Л. Несколько заметок... С. 189. К сожалению, однозначно реконструировать события 20–50 гг. пока не представляется возможным.

⁵⁹ Показательно, что оба брака Иоанна IV имели восточную ориентацию, тогда как его преемник Давид вторым браком был женат на Елене Кантакузине.

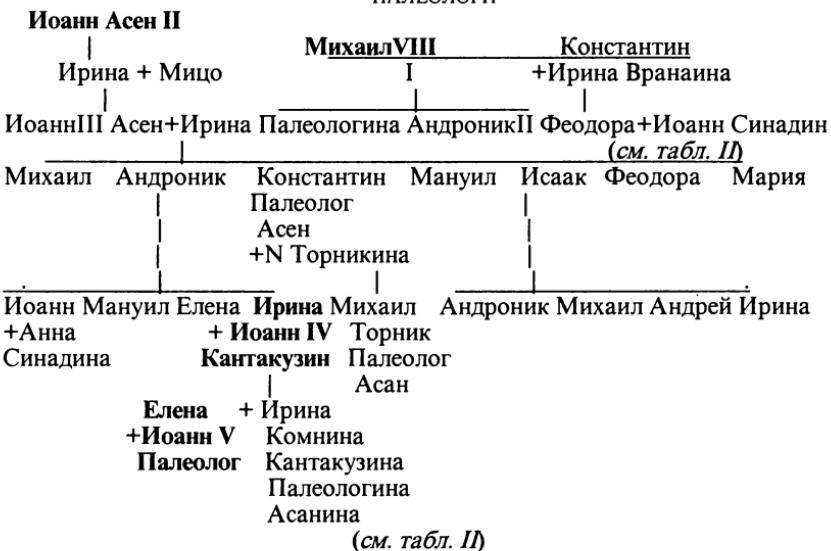
впечатление, что сам он, будучи местным уроженцем не слишком знатного происхождения, появился здесь не ранее кон. XIV – нач. XV в. после бурных событий, смутно известных по поэме Матфея⁶⁰.

Вследствие брака его сына Иоанна с Марией Асаниной Палеологиной Цамблакониной ок. 1425 г. их потомки, представители боковой ветви владетелей Мангупа, получили право возводить свой род Асанам Палеологам, в пользу чего свидетельствует пелена Марии Мангупской из Путны. Подобная практика была обыденным явлением в кругу византийской аристократии и признавалась соседями, о чем также свидетельствуют состоявшийся брак Марии со Стефаном III и несостоявшийся – мангупской княжны явно из той же ветви рода с наследником Московского княжества.

Вследствие трапезундских браков князья Феодоро вошли в число владетелей, в той или иной степени приобщенных к Византийскому культурному кругу, и, следовательно, присвоение ими орла Палеологов, что также не является чем-либо исключительным.

ТАБЛИЦА I. АСАНЫ

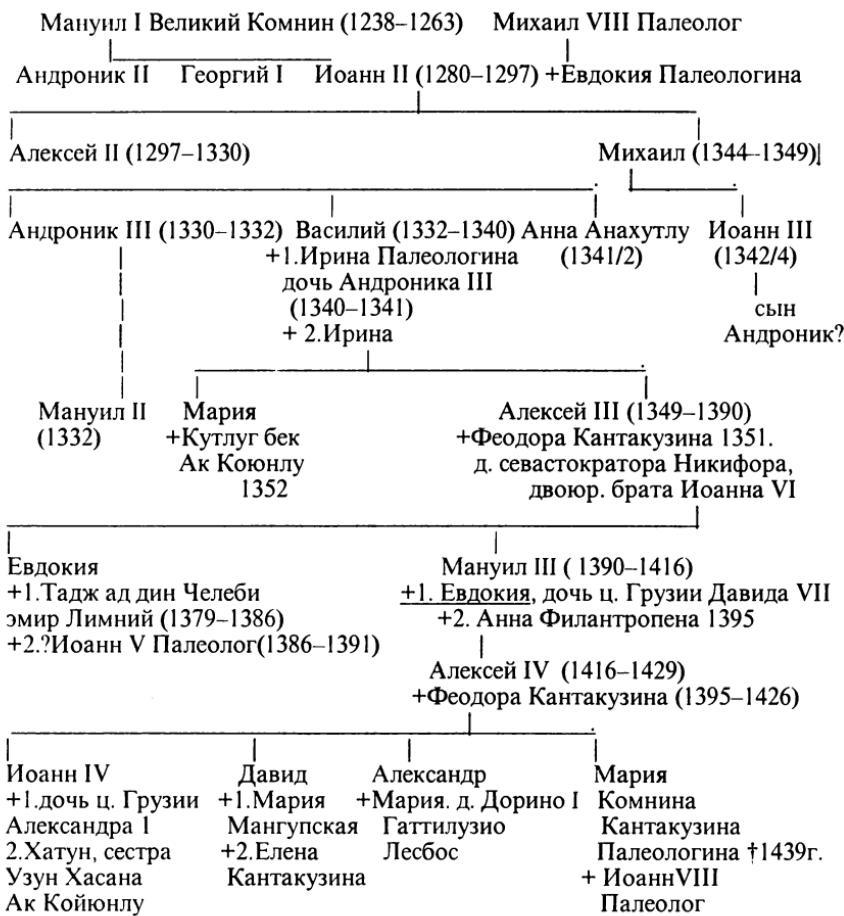
ПАЛЕОЛОГИ

⁶⁰ Наша благодарность друзьям и коллегам Х.-Ф. Байеру, А. Герцену (Симферополь), В. Гурулевой (СПб.), Б. Иванову (Варна), И. Иорданову (Шумен), Х. Кузову (Варна), О. Манчевой (Варна), Т. Тотеву (Шумен), за предоставление библиографии и консультации.

ТАБЛИЦА II. СИНАДИНЫ

⁶¹ Варианты генеалогии К. Варзоса (Op. cit., T. 2., между С. 672-673), И. Хюттер (I. HÜTTER. Op. cit., S. 79-114), Х. Ханника и Г. Шмальцбауэр (HANNIK Ch., SCHMALZBAUER G. Die Synadenoi. Prosopographische Untersuching zu einer byzantinischen Familie//JÖB 1976. Bd. 25. S. 125-162) в деталях не совпадают.

ТАБЛИЦА III. ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ ТРАПЕЗУНДА

V.P. Stepanenko
Ekaterinburg

DIE HERREN VON THEODORO UND DIE BYZANTINISCHE ARISTOKRATIE DES XV. JH.

Die Annahme von A. A. Vasiliev, die Herren von Theodoro (Mangup) entstammten dem Geschlecht der Gabras, die in der Folge als Axiom angenommen wurde, ist falsch und wird durch Fakten nicht bestätigt. Herren von Theodoro treten nach dem Zusammenbruch des Reiches des Tatarikhans Tochtamyš gegen Ende des XIV. Jh.s in Erscheinung. Sie entstammten sehr wahrscheinlich dem örtlichen Adel. Einen international anerkannten Rechtsstatus erhielten sie erst im 1. D. des XV. Jh.s infolge von dynastischen Heiratsverbindungen mit den Großkommenen Trapezunts und der Familie der Asanai Palaiologoi Tzamplakones in Konstantinopel. Die vor 1429 geschlossene Ehe zwischen dem Herrensohn Johannes und Maria Asanina Palaiologina bedeutete die Einbeziehung der Herren von Theodoro in den Kreis der byzantinischen Aristokratie. Da Johannes vor 1439 in Trapezunt starb, regierten seine Nachkommen vor 1475 vermutlich nicht in Theodoro, sondern hatten ihre Residenz in Phuna. Für ihre Anwesenheit auf der Krim spricht der Umstand, dass die Fürstin Maria, die Gattin des Vojvoden der Moldau Stefans III., die Familiennamen Asanina Palaiologina trug und dem Geschlecht der Herren von Theodoro entstammte. Ihr Bruder Alexander kehrte im Jahr 1475 aus der Moldau zurück und usurpierte für kurze Zeit die Herrschaft über Mangup, das noch im selben Jahr von den Türken erobert wurde.